

Глаза Императора Цитянь сузились. Он мгновенно оказался перед Шэнь Мянem, схватив его за запястье. Это был его собственный барьер, поэтому он мог прикоснуться ко всему, что хотел.

Божественное сияние было настолько ярким, что Шэнь Мянень закрыл глаза, но слёзы текли по его щекам, словно свет мог ослепить его.

Он почувствовал широкую ладонь мужчины, крепко сжимающую его запястье, и услышал властный, но угрожающий голос:

— Ты видишь его лицо?

Это, вероятно, был первый раз за десятки тысяч лет, когда Император Цитянь потерял самообладание. Произошло то, что он не мог понять.

Шэнь Мянень вытер слёзы тыльной стороной руки и спросил:

— Я не слеп, почему бы мне его не видеть? Хотя, если это продолжится, я могу ослепнуть.

Почему не видишь?

Император Цитянь смотрел на этого странного существа, попавшего в этот мир, и его многотысячелетние убеждения рушились. Он спросил: «Почему не видишь?»

Потому что ни одно живое существо в трёх мирах не могло увидеть истинное лицо Повелителя демонов.

Потому что даже боги на девяти небесах не могли увидеть его лицо.

Потому что даже сам Повелитель демонов не мог увидеть своё лицо.

Потому что он был Повелителем демонов, у него не было лица и не было имени.

Наконец, Император Цитянь медленно ответил:

— Потому что десять тысяч лет назад он отказался от своего лица и имени.

Потому что в этом мире не было демонов. Демонами становились падшие боги.

Император Цитянь коснулся лба Шэнь Мянень кончиком пальца, и божественное сияние, как прохладный ручей, омыло его глаза, избавив от жжения.

Шэнь Мянень открыл глаза и разглядел лицо, идентичное лицу Повелителя демонов. Он осторожно спросил:

— Какое имя он носил раньше?

Он уже спрашивал Повелителя демонов, но тот не ответил.

В глубине души у него уже было предположение, но он хотел услышать это от Императора Цитянь, чтобы убедиться.

Император Цитянь долго молчал.

Наконец, он произнёс сложным тоном:

— Десятки тысяч лет назад мы были одним целым.

Это была тайна, которую он не хотел раскрывать.

Он был императором, и он же был демоном. Они делили одно тело, но когда он осознал существование демона, было уже слишком поздно. Мир, некогда мирный и простой, погрузился в войны и разрушения.

Люди сражались за богатство, власть и красоту, и их битвы не прекращались.

Тогда в мире ещё не было пути совершенствования, и демон питался жадностью и изменчивыми желаниями людей. Он усиливал их эмоции, порождая демонов в их сердцах.

Некоторые стали слугами демона, пав в тьму, и мир больше не был спокоен.

Император пожертвовал собой, чтобы уничтожить демона, но тот, кого он хотел уничтожить, был самым злым существом, порождённым его собственным сердцем.

Император был рождён из веры человечества и не мог позволить людям погибнуть. Поэтому он создал божественный артефакт, принеся в жертву половину своей души, чтобы активировать его силу. Его Божественное тело было запечатано в ледяных водах Преисподней.

Берег Реки Преисподней был конечной точкой трёх миров. Смерть всех существ оставляла здесь свою энергию.

В мире ходили слухи, что Повелитель демонов превратился в горы и реки Преисподней, но это было не так. Божественное тело, созданное Великим Путём, не могло быть уничтожено. Оно просто спало, и однажды, после бесчисленных восходов и закатов, оно должно было пробудиться.

Император предвидел это. Когда он запечатал себя, половина его души отправилась в цикл перерождений, а другая осталась в артефакте, чтобы, когда демон восстановит свои силы, у него был шанс противостоять ему.

Шэнь Мянью слушал его рассказ и чувствовал, что это немного смешно.

— Вы — и добро, и зло, но вы — защитник человечества.

— Я прожил много лет и не боюсь смерти. Вера человечества однажды иссякнет, и до этого я должен убедиться, что этот демон не угрожает миру.

Бог, потерявший своё тело, мог существовать только благодаря вере. К счастью, вера в богов не иссякла за десятки тысяч лет.

Шэнь Мянью спросил:

— Но почему всё меньше людей достигают Великого Пути и становятся бессмертными?

— Потому что этот демон подавляет их, не позволяя им возвыситься.

Шэнь Мянью сразу возразил:

— Это невозможно. Он слишком простодушен, чтобы быть таким коварным.

Император Цитянь, услышав, как он называет Повелителя демонов «простодушным», слегка нахмурился:

— Ты прав. Он прост, как бумага, но его стремление к силе превосходит всех.

— Он однажды сказал, что за пределами этого мира есть другие миры. Если он станет достаточно сильным, то сможет вырваться из оков Великого Пути и отправиться туда.

Шэнь Мянью удивился:

— Выйти? Ты говоришь, что он делает всё это, чтобы покинуть этот мир?

Император Цитянь кивнул:

— Он сказал, что что-то зовёт его, пробуждая его.

Шэнь Мянью усмехнулся, подумав: «Этот мир действительно страшен, если даже NPC обрели самосознание».

— Ты не думал, что он может быть прав?

— Верю, — ответил Император Цитянь, не дожидаясь вопроса. — Но меня это не интересует. Я не хочу жертвовать людьми ради какого-то другого мира.

Шэнь Мянью посмотрел на него, чуть не расплакавшись от умиления.

Такие моральные принципы должны быть у настоящего главного героя.

Он прошёл через столько миров, встречал столько персонажей, но только этот хоть немного похож на положительного героя.

Если бы все главные герои были такими, не было бы столько проблем!

Шэнь Мянью подошёл к Императору Цитянь, чувствуя странную близость к этому красивому, но холодному и властному лицу.

Это было лицо императора и лицо Повелителя демонов.

Даже если Император Цитянь говорил, что Повелитель демонов отказался от своего статуса и был больше не признан Великим Путём, его лицо и имя были стёрты правилами.

Но Шэнь Мянью всё равно не понимал, потому что своими глазами он ясно видел и императора, и Повелителя демонов.

[Система]: Возможно, потому что ты пришелец и не подчиняешься правилам этого мира.

Шэнь Мянью временно принял это объяснение.

Он подошёл к императору. Этот силуэт был так же высок и холоден, как Повелитель демонов, но если Повелитель демонов всегда носил чёрные одежды с узорами из золотых цветов, то император был одет в простую, но величественную серебряную мантию с вышитыми драконами, излучающую святость и могущество.

Шэнь Мянью протянул руку, желая коснуться этого знакомого, но чуждого лица, но его пальцы

коснулись лишь холодного божественного сияния.

Он разочарованно сказал:

— Почему ты можешь касаться меня, а я не могу коснуться тебя?

Император Цитянь посмотрел на него:

— Ты хочешь прикоснуться ко мне?

Шэнь Мянью улыбнулся:

— Я хочу почувствовать, чем ты отличаешься от него.

Этот вопрос был излишним, потому что Император Цитянь и Повелитель демонов когда-то были одним существом, разделившим одно тело. Даже близнецы не могли быть настолько похожими, ведь они были одной сущностью, лишь с двумя разными сознаниями.

Если бы Император Цитянь имел физическое тело, Шэнь Мянью, вероятно, не почувствовал бы разницы.

Но Император Цитянь не считал этот вопрос лишним. Он взял тонкие пальцы Шэнь Мянью и медленно приложил их к своей щеке:

— Чем я отличаюсь?

Шэнь Мянью почувствовал холод и начал медленно проводить пальцами по его лицу, словно стараясь запомнить его черты.

Через мгновение он поднял глаза и улыбнулся:

— Кажется, ничем.

Император Цитянь заглянул в его сияющие глаза и на мгновение задумался.

Он не лгал Шэнь Мянью. Когда он впервые понял, что этот человек — пришелец, он почувствовал не только любопытство, но и радость.

Прожив десятки тысяч лет в скучном мире, он уже устал от однообразия. И вдруг в его глаза попала яркая звезда. Как он мог не радоваться?

Он хотел удержать её.

Возможно, на него повлияла его сущность.

Ведь тело Повелителя демонов когда-то принадлежало ему, и когда сердце, спавшее тысячи лет, начало биться ради кого-то, он тоже почувствовал это, как он чувствовал эмоции Цзи Чанли и поддавался их влиянию.